

вы поступили, ибо вы и ваша родня были у меня в чести большей, чем другие рыцари.

– Мой господин, – отвечал сэра Ланселот, – не прогневайтесь, но ведь я и мои сородичи не однажды сослужили вам лучшую службу, нежели другие рыцари; и всякий раз, как вам приходилось тяжело, я избавлял вас от всевозможных опасностей; я всегда по мере сил моих рад был оказать услугу вам и господину моему сэру Гавейну. И в поединках, и на турнирах, и в сраженьях, пеший и конный, я много раз повсюду спасал вас и вас, господин мой сэра Гавейн, и еще многих ваших рыцарей.

– И сейчас я смело скажу, – продолжал сэра Ланселот, – да будет вам всем ведомо, что еще ни разу не встретил я такого рыцаря, который мог бы против меня выстоять в честном бою до последнего. Помилуй меня Господь! С какими бы славными рыцарями мне ни приходилось сражаться, будь то даже сэра Тристрам или сэра Ламорак, я никогда не бился из всех моих сил, ибо щадил их, догадываясь, кто они. И я беру Бога в свидетели, никогда я не питал зла и зависти к добрым рыцарям, добывающим себе славу в поединках, и всегда был рад, если мне встречался рыцарь, хоть недолго могший выстоять против меня, в пешем ли бою или в конном. Только вот, пожалуй, сэра Карадос из Башни Слез, он был боец превосходнейший и муж силы превеликой, и кому и знать это, сэра Гавейн, как не вам, ведь того нельзя не почитать превосходным бойцом, кто великой мощью своею стащил вас с коня, положил поперек своего седла и прикрутил веревками к луке. И в тот раз, господин мой сэра Гавейн, я вас спас и убил его у вас на глазах. А в другой раз я повстречал брата вашего сэра Гахериса и сэра Тарквина, который вез его перед собою, связанного по рукам и ногам. И тогда я спас вашего брата и убил сэра Тарквина и к тому же вызволил из заточения еще шестьдесят четыре рыцаря господина моего короля Артура. И потому говорю теперь, – сказал сэра Ланселот, – что никогда не встречал столь могучих рыцарей и столь искусных бойцов, как сэра Карадос и сэра Тарквин, ибо с ними обоими я бился в полную мою силу. И потому также думается мне, – сказал сэра Ланселот сэру Гавейну, – что и вам не должно об этом забывать. Ибо если я склоню к доброму расположению вас, то, с помощью Божией, я добьюсь и милости господина моего короля Артура.

8

– Сэра, король пусть решает, как ему угодно, – отвечал сэра Гавейн, – но знай, сэра Ланселот, между мною и тобой никогда не будет мира, куда мы живем на свете, ибо ты убил трех моих братьев. И двоих из них ты убил предательски и безжалостно, ибо они были безоружны, да и никогда бы не подняли против тебя оружия.

– Сэра, видит Бог, я желал бы, чтобы они были в доспехах, – сказал сэра Ланселот, – ибо тогда они были бы сейчас живы. Что до сэра Гарета, то никого из своих кровных родичей я так не любил, как его, и куда жив я, – сказал сэра Ланселот, – я буду оплакивать смерть сэра Гарета, и во все не из страха перед вами, но по многим другим причинам, причиняющим печаль мою. Одна из них та, что я сам посвятил его в рыцари; вторая причина – что, я знаю, он любил меня более, нежели кого-либо еще из рыцарей; а третья – что он был благороден и верен, любезен и учтив и нравом весьма добр. Четвертая же причина в том, что я сразу же понял, услышав о смерти сэра Гарета, что мне никогда уже больше не пользоваться вашею, господин мой сэра Гавейн, любовью, но лишь вражда вечная будет между нами. И также я понял, что вы склоните господина моего короля Артура на вечную и смертельную со мною вражду. Но, клянусь моей рыцарской честью и как есть Иисус мне защитник, я не убивал ни сэра Гарета, ни брата его моею волею, но увы! – на беду явились они в тот день без доспехов! Но вот что я предложу вам, – сказал сэра Ланселот, – если угодно будет королю и вам, господин мой сэра Гавейн: я выйду из Сандуича босой и в одной рубахе и отправлюсь в путь, и через каждые десять миль буду основывать и закладывать святые обители, какого ордена вы мне назначите, и часовни, чтобы в них день и ночь пели и читали молитвы, в особенности же по сэру Гарету и по сэру Гахерису. И это я сделаю на всем пути от Сандуича до Карлайля, и каждой обители придам довольно имущества и добра. И куда останется у меня хоть какое-то имение на земле, ни один из этих Божьих домов не будет испытывать недостатка ни в чем, что потребно для устройства, содержания и кормления святых обителей. И это будет дань во спасение их душ достойнее и святее и Богу угодно, нежели когда вы, мой благороднейший король, и вы, сэра Гавейн, идете на меня войной, ибо этим вы ничего не добьетесь.

Тут все рыцари и дамы, при том присутствовавшие, стали плакать, как безумные, и на щеки